

И ВСЁ ЖИВОТ НАШ ХРИСТУ БОГУ ПРЕДАДИМ

Всё громче и всё настойчивей в православных храмах за богослужением можно услышать, как в ектенях вместо привычного слова *живот* священник или диакон произносят непривычное слово *жизнь*.

Автор этих строк, конечно, наслышан о практикуемой подмене этих и других молитвенных слов в некоторых храмах города Москвы и его окрестностей, ну, на то он и столичный город, чтобы страдать от избытка ума. Но каковы же были мои удивление и смущение, когда прошедшим летом в Великом Новгороде, находясь на богослужении в древнейшей русской обители Свято-Юрьевом мужском монастыре, я услышал новомодную столичную *жизнь* там, где испокон веков стоял *живот*. То ещё очень важно заметить, что в ограде Юрьева монастыря располагается Новгородское Духовное училище. Что же выходит? Что в Новгороде уже даже не упражняются в нововведении, но всю ему учат как самому обыкновенному делу? Однако прежде, чем написанное пером рубить топором, не мешало бы разобраться, насколько необходима эта замена, и какими соображениями руководствуются самочинные редакторы богослужебных текстов?

Можно предположить, что замена *живота* на *жизнь* производится на том серьёзном основании, что слово *живот* непонятно для широкой аудитории. Но этот довод очень странен уже по одной той причине, что в русском языке есть хорошо известное выражение *не щадя живота своего*, и говорить, что употребляемое за богослужением слово *живот* многим не понятно, значит говорить, что многим русским людям непонятен смысл вышеприведённого выражения. Но уместно ли столь невысокое мнение о знании своего языка русскими людьми?

Аргумент о непонятности слова *живот* странен не только с частной филологической точки зрения, он странен в принципе. Немало церковно-славянских слов непонятны для переступающих порог храма, как и вообще многое в Церкви непонятно для приходящих в неё из мира. Что же тогда, чтобы им было проще освоиться, надо всё непонятное разрушить? Однако цель воцерковления состояла и состоит вовсе не в том, чтобы вычеркнув непонятное, принять из церковной жизни только то, что доступно житейской логике. Истинное воцерковление происходит как раз наоборот – через перемену жизни и выстраивание её, часто вопреки своей греховной природе и личному разумению, по евангельскому ладу и строю.

И третье замечание о непонятности слова *живот* можно привести. Осмысленно слушает службу, т.е. не только *имеет уши* её слышать, но хотя бы попросту старается прислушаться к ней вовсе не широкая аудитория, а та незначительная часть прихожан, которая из-за регулярного участия в богослужениях может быть названа верной её частью, и эта часть наверняка знает, что упоминаемый на ектенях *живот* это вовсе не *желудок*. Ради кого же тогда менять слова молитв? Ради тех «захожан», что идут в храмы только потому, что там можно свечку поставить «за здоровье», «за упокой» или просто «за всё хорошее»? В том же Юрьевом монастыре из сотен ежедневно проходящих через обитель туристов на службе задерживаются единицы. Так неужели только ради этих задержавшихся единиц изменять богослужение, потому как, видите ли, им очень важно услышать вместо слова ‘живот’ именно слово *жизнь*? О, если бы им это было важно! И если бы они задерживались в храме для осмысленного участия в молитве... Если бы все приходили в храм действительно для Бога, а не для себя, т.е. не для того только, чтобы себе от Бога что-то земное получить, то не было бы нужды словесных замен искать, потому что всем таковым Господь Сам всё объясняет.

Другой весомый аргумент в пользу замены *живота* на *жизнь* могут привести её сторонники, дескать, слово *живот* звучит в церковных стенах немолитвенно и даже неприлично. Но исходя из этого еще более странного, чем о непонятности, аргумента, надо бы и слово *чрево* заменить на более благозвучное для невоцерковлённых ушей слово, например, на *лоно*. «Благословен плод *лона* Твоего...» – звучит куда как возвышеннее, чем «Благословен плод *чрева* Твоего...» И многие другие церковные слова надо бы тогда заменить эвфемизмами.

Но ни *чрева лоном*, ни *живота жизнью* заменить нельзя, потому что церковно-славянское слово *живот* вовсе не означает ту отвлечённую жизнь, которая рисуется нам в выражениях *жизнь во вселенной* или *жизнь под водой*, не означает оно и ту семейно-трудовую жизнь, которую у нас спрашивают при встречах: *как жизнь?* Что же тогда означает слово *живот* в богослужебных текстах?

Церковно-славянское слово *живот* означает, как об этом хорошо сказано в словаре прот.Г.Дьяченко, «органическое существование, бытие в союзе души и тела». Под «органическим» здесь нужно, конечно же, разуметь существование, связанное с питанием и претворением пищи, а не то хорошо устроенное и налаженное бытие, которое ещё можно назвать *органичным* или *организованным*. Иными словами, церковно-славянское слово *живот* можно определить как семейный союз небесной души и перстного тела со всеми его потрохами, без которых, собственно говоря, земной жизни и не бывает. Этот союз в церковных текстах ещё именуется *смешением*. Например, в молитве ко Святому Причащению Симеона Метафраста: «...наше все восприемый *смешение* от чистых и девственных кровей...». Так что с лёгкостью заменить слово *живот* словом *жизнь* значило бы лишить церковный язык особого, закреплённого за этим словом значения, о котором говорит прот.Г.Дьяченко.

Да, конечно, в приблизительном и, так сказать, округлённом значении слово *живот* означает *жизнь, существование*, как и другие происходящие от корня *жи-* слова: *жила* (жизненный нерв), *жито* (необходимые для жизни злаки пшеница и ячмень), *пажить* (место жизни, пастбище). Но *живот* это особая жизнь, органическая. Причём, такое толкование этому слову даёт прот.Г.Дьяченко, исходя из области его применения в церковных текстах, а о том насколько многозначным оно было в повседневном употреблении в 15-м веке нашей истории можно судить по псковской грамоте-завещанию, которую приводит в своей книге «История русского языка в рассказах» (СПб., 2007) проф.В.В.Колесов.

«Сим я, раба Божия Ульяна, ходя при своем животу, учинила перепись животу своему да и селу своему... деверю своему Ивану до его живота кормити ему...». (с.29) Очевидно, что в первый раз в этой грамоте слово *живот* («ходя при своем животу») употреблено в значении *жизнь*, вторично («перепись животу своему») в значении *имущества*, и в третий раз («до его живота») в значении *смерти*. Выходит, что слово *живот* означало в 15-м веке и жизнь, и имущество, и смерть, т.е. вбирало в себя всё самое главное, что есть в земной жизни, и о чём, как о самом главном, пишут в завещаниях.

«Ну, так это и требовалось доказать! – радостно скажут животоборцы. Если в 15-м веке слово *живот* заключало в себе такое разнообразие значений, то в 21-м веке столь же многозначным стало слово *жизнь*, которое вытеснило на обочину языка отслужившее свою службу, явно устаревшее и даже мешающее правильному пониманию церковных текстов слово *живот*. И поэтому, если произносимое в 15-м веке прошение ектеньи «и весь живот наш Христу Богу предадим» означало предание Христу Богу всего, что имел человек: его жизни, имущества и даже смерти, то чтобы адекватно передать смысл этого прошения в 21-м веке необходимо слово *живот* заменить на слово *жизнь*».

Хорошо, давайте разбираться с этим аргументом замены, который назовём аргументом «адекватного понимания».

Как известно, чтобы адекватно, или по-русски говоря, правильно и точно понять значение какого-либо слова или выражения, нужно рассмотреть его контекст, т.е. словесное окружение, и чем шире это окружение, тем адекватнее понимание. Поэтому я предлагаю рассмотреть слово *живот* в контексте не нескольких ближайших предложений, но всего церковнославянского языка. И даже настаиваю на этом условии по той причине, что в церковнославянском языке есть слова, которые нынче, как и *живот*, вошли в семантический строй современного слова *жизнь*, но которые в том же 15-м веке имели вполне отличные и суверенные значения. Какие это слова?

...*жизни* Подателю – это о Святом Духе.

...да тихое и безмолвное *житие* проживем – это о жизни буднично-бытовой.

...идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но *жизнь* бесконечная – это уже о совершенно иной жизни.

Последний пример взят из Панихиды. В этом молитвенном чине, совершаемом об упокоении усопших, различие слов 'жизнь', 'житие' и 'живот' видится особо наглядно. Так, в тропарях Панихиды поётся:

Агнца Божия проповедавшие, и заклани бывше якоже агнцы, и к *жизни* нестареемой, святии, и присносущней преставльшеся...

В путь узкий хождшие прискорбный, вси в *житии* крест яко ярем взявшии... Воистинну суета всяческая, *житие* же сень и соние...

Всесвятая Богородице, во время *живота* моего не остави мене... Со духи праведных скончавшихся души раб Твоих Спасе, упокой, сохраняя их во блаженной *жизни*, яже у Тебе Человеколюбче...

Яко Ты еси Воскресение, *Живот* и покой усопших рабов Твоих...

Смысловое различие слов 'жизнь', 'житие' и 'живот' в этих примерах видно без пояснений. Разве что в последнем примере (это начало священнического возгласа, завершающего каждую заупокойную ектенью), кажется что, вместо слова 'живот' уместнее слово 'жизнь', поскольку усопшие «органического существования в союзе души и тела» иметь не могут, и Сам Христос для них является скорее 'жизнью', чем 'животом'. Но это только кажется, что уместнее. На самом деле связь души с телом не прерывается и по смерти последнего. Эта связь уже, конечно, не имеет своего прежнего непосредственного характера, но от утраты непосредственности своей крепости не теряет. В Синаксаре в субботу Мясопустную так говорится о причинах поминовения усопших, установленного Святой Церковью в 3-й, 9-й и 40-й дни по смерти:

«Третины убо творим, яко в третий день человек вида изменяется. Девятины, яко тогда все растичется здание, храниму сердцу единому. Четырдесятины же, яко и самое сердце тогда погибает. И рождение бо сице происходит: в третий бо день живописуется сердце, в девятый же составляется в плоть, в четырдесятый же в совершенный вид воображается. За сию вину душам память творим».

Изменения происходят с телами, а поминовения творим душам. Почему? Да потому что таинственная связь души и тела не прекращается даже в то время, когда душа пребывает на небе в ожидании Страшного суда, а тело в глубине могилы проходит предназначенный ему от Бога «путь всея земли» (3Цар.2:2). И в день Всеобщего воскресения душа найдёт своё тело (каким оно тогда будет? это особый вопрос) и соединится с ним, но уже для иного живота и

иной совместной жизни, неизменной и бесконечной. Поэтому в ектеньях об усопших, как и в ектеньях о живых, употребляется слово, передающее связь души со своим телом – 'живот'.

Слово 'живот' в возгласе «Яко Ты еси Воскресение, Живот и покой усопших рабов Твоих...» стоит на своём месте в полном согласии с Евангелием. Бог наш *несть Бог мертвых, но Бог живых* (Мф.22:32). Святая Церковь не противопоставляет живых и умерших, не разводит их по разным углам бытия, но соединяет в едином Телѣ, которым она сама и является, и глава которого – Христос. И мысль об единстве живых и умерших в этом Телѣ особо подчёркивается в заключительном прошении великой ектеньи на Панихиде: «Милости Божия, Царства Небеснаго, и оставления грехов испросивше тем (т.е. усопшим) и сами себе, друг друга и весь *живот* наш Христу Богу предадим».

Подобный вопрос о «живых» и «умерших» может возникнуть при разборе Пасхального тропаря. Кого следует понимать под «сущими во гробех», которым Господь «*живот* дарова»? Только ли тех, которые *изшедше из гроб по воскресении Его, внидоша во святыи град и явишася мнозем* (Мф.27:52)? Конечно их, но много более их под «сущими во гробех» разумеются ныне живущие, ощутившие радость своего из гроба безверия воскресения и «иногo *жития* вечнаго начало». Кстати, в последнем примере мы видим, как слово 'житие' в соединении со словом 'вечный' приобретает совершенно особый, так сказать, пасхальный вкус и смысл. Этот же пример доказывает и то, что располагать слова 'жизнь', 'живот' и 'житие' по временной шкале таким образом, что, дескать, слово 'житие' означает нечто преходяще-бытовое, 'жизнь' – возвышенно-вечное, а 'живот' занимает промежуточное между ними положение, будет неверно уже потому, что все три этих слова церковнославянский язык соединяет со словом 'вечный':

«...иногo *жития* вечнаго начало» (тропарь 7-й песни Пасхального канона).
«...да будет же ми в *живот* вечный и безсмертный» (кондак канона ко Святому Причащению).
«...да причастницы *жизни* вечныя будем» (окончание песни, исполняемой вместо Херувимской на Литургии Преждеосвященных Даров).

Разница слов 'жизнь', 'живот' и 'житие' вовсе не так очевидна, чтобы её можно было описать в нескольких предложениях. За каждым из этих слов стоит особый смысл, который в разных контекстах обрастает десятками разных значений, и все их бережно хранит церковнославянский язык, всеми мудро пользуется.

И многие другие примеры *by heart* (англ. наизусть, буквально «сердцем») известные церковным людям можно привести, подтверждающие, что не один *живот* в церковнославянском языке восседает, но три разных слова в нём из молитвы в молитву перетекают.

Каким же из этих слов можно наиболее адекватно передать значение слова *живот*, допустим, в прошении «прочее время живота нашего в мире и покаянии скончати у Господа просим»? Слово *житие* здесь никак не годится, потому что у него своя, довольно узкая сфера применения. Могло бы подойти слово *жизнь*, но если заменять им слово *живот*, то чем заменить слово *жизнь* там, где оно в церковных текстах стоит изначально, как, например, в молитве Святому Духу? Так *жизнью* и оставить? Но такая замена будет всего-навсего смешением двух различных понятий, которые заключают в себе слова *жизнь* и *живот*, в одно понятие, и это будет равносильно уничтожению слова *живот*. Что же делать? Смириться с тем, что наиболее адекватно смысл слова *живот* передаёт именно слово *живот*. И согласиться с тем, что вторгаться в церковнославянский язык с современными русскими словами, значит нарушать его функциональную систему, значит загрязнять экологию церковнославянского языка.

Приспособить церковные тексты к пониманию современного человека – дело нехитрое. Сложнее приспособить понимание современного человека к церковным текстам. Но чем труднее, тем и благодатнее, потому что главное правило духовной жизни «отдай кровь и приими дух» применимо не только к посту и молитве, но и ко всякому совершаемому ради Бога труду, тому же изучению языка. Изучение, осмысление, вникание, вживание в церковный язык – это очень даже благодатный труд. Зачем же с самого порога лишать неопита этого труда и даруемой за него духовной радости? И если подавший чашу холодной воды во имя ученика награждается, то открывший ради Господа словарь церковно-славянского языка, чтобы узнать там значение каких-то непонятных слов, надо думать, тоже *не погубит мзды своя* (Мф.10:42).

Выше приводилось церковное толкование слова *живот*, т.е. то, как его понимает священник и церковный учёный. Интересно сравнить, как понимает это слово тот, кто, хотя по роду своей профессии и работает с церковными текстами, но весьма далёк от их проблематики и по существу далёк от Церкви. Прощу прощения, если я ошибаюсь, хотя, судя по содержанию книги «История русского языка в рассказах», трудно на этот счёт ошибиться. Итак, что же говорит о значении слова ‘живот’ доктор филологических наук В.В.Колесов?

«Прежде **живот** (здесь и далее выделено автором, - Г.С.) вообще означал только физическое проявление жизни, для передачи других её сторон имелись иные слова: духовная – жизнь, материальная – житье. До сих пор в прилагательных, образованных от этих трёх слов, сохранилась первоначальная дробность значений; сравните: **жизненная идея, житейское дело и животная злоба** – трудно переставить местами эти прилагательные!» (с.29)

Мы видим, что «мирское» определение («физическое проявление жизни») нисколько не противоречит «церковному» определению слова *живот* («органическое существование, бытие в союзе тела и души»). И этот смысл, вкладываемый в него двумя столь разными исследователями церковно-славянского языка, в свою очередь не противоречит трём значениям слова *живот*, в каких оно употреблено в псковской грамоте-завещании, поскольку все три значения (и жизнь, и имущество, и смерть) относятся именно к физической стороне жизни, а не к духовной и не к материальной. «А вот и нет, - возразит внимательный читатель, - второй раз в слове *живот* («учинила перепись животу своему») подразумевается материальный достаток». И всё же внимательный читатель ошибается, речь и здесь идёт о физическом проявлении жизни, а не о материальном. Почему?

Дело в том, что хотя, действительно, под словами «учинила перепись животу своему» раба Божия Иулиания подразумевает своё имущество, но оно вернее и точнее должно быть названо именно *животом*, а не *житьем*, потому что это её имущество – одушевлённое и живое, это Ульянин скот. А о неодушевленном имуществе, т.е. таком, какое бы мы сейчас назвали *недвижимым*, она говорит особо, как о «селе своем», т.е. о поле, пашне.

Вот, ещё, оказывается, что подразумевалось под словом *живот* – домашняя живность, скотина в отличие от зверя дикого, неприрученного. И это его значение, видимо, стало причиной того, что начавшееся с 14-го века, по слову проф.Колесова, «колебание» в значении слова *живот* привело его, образно говоря, к падению. Начав колебаться в значении, слово *живот* к 21-му веку окончательно уронило своё достоинство, чему мы все являемся свидетелями, потому как, слыша это слово, мы первым делом представляем органы пищеварения и ту часть тела, в которой они заключены. Вот почему весь этот сыр-бор с заменой слов в богослужебных текстах разгорается. Если в прежние века слова *жизнь, живот и житие* стояли друг подле друга почти в равном достоинстве и указывали, упрощённо говоря,

на проявления жизни в 3-х различных сферах: духовной, душевной и телесной, то нынче слово *жизнь* возвысилось до значения, так сказать, «жизни вообще», *житие* стало малоупотребительным (редко, но ещё можно услышать в разговорном языке родственные ему слова *житьё* и *прожитьё*), а *живот* резко опустилось.

Нынче некогда счастливый «союз тела и души» в слове *живот* окончательно распался, «душа» покинула его, и потому кажется неуместным в конце ектении, после поминовения Пресвятой Богородицы и всех святых, взять и этот самый *живот* со всем его содержимым назвать. Но для нашей богослужебной древности это выглядело очень даже благолепно и чинно. Именно в конце ектении, после многих прошений, после призывания Богородицы и всех святых и о своём *животе* словечко замолвить, и о своей, знаете, есть такое ласковое слово *животинка*, которым селяне называют своих коров, и которое ещё хранит в себе в отличие от *животного* взаимную любовь души и тела, и о ней, своей *животинке* Христа Бога попросить – это, конечно, было весьма пристойно и умирительно. Под *животинкой* в последнем случае я разумел не коров, но свой собственный по-коровьи протекаемый *живот*, недостойный называться *жизнью*.

Допустим, что всё это более или менее понятно, но распавшийся «союз души и тела» объяснениями не восстановишь. Смысловое равновесие души и тела в слове '*живот*' нарушилось и сместилось в сторону тела, в итоге его общее содержание оказалось приземлённым. И потому, чтобы удержать на должном уровне высоту богослужебных текстов, современные метафразы (μετάφρασις – перевод) вынуждены искать замену сему несправедливо обиженному слову.

Но что происходит, когда мы заменяем «органические» слова словами, не имеющими в себе «кровеносной системы», словами отвлечёнными, словами-категориями, т.е. *живот* *жизнью*, *чрево лоном* и т.д.? А то и происходит, что наша жизнь становится от этого всё более отвлечённой и всё более неживой. Отказываясь от старинных слов с «органикой», мы добровольно снижаем урожайность языка, так как иссушаем, истощаем его корни, следовательно, истощаем и корни живота своего.